





ВЛАДИМИР МАЛОВ

ФОРПОСТ

Фантастический рассказ

Лицо у Степанова было несколько виноватым, и это выражение мало вязалось с его мощной фигурой, сгорбившейся за столом. Маккиш стоял напротив и старался догадаться, что это может значить.
— От положенной недели отдыха мне следует отказаться? — наконец спросил он.

Степанов шумно вздохнул и задвигался за столом.

— Ты говори, не стесняйся, — сказал Маккиш. — Ведь я угадал?

— Угадал, — хмуро ответил Степанов. — И если я буду говорить об этом с тобой, значит, потому только, что здесь нужен именно ты.

Маккиш пожал плечами и сел в тяжелое, массивное кресло, которое казалось совсем неуместной вещью в таком месте, как каюта звездолета, но командир любил старину.

— Я думал, разговор будет коротким, — сказал Маккиш. — Мне ведь предстоит отправиться на Лигейю? Так?

Степанов выпрямился.

— Так, — буркнул он. — Теперь ты понимаешь... кто же, если не ты... Кулагин дежурит на Элане, а Головков только что сменил тебя на Альтрозе. Было бы лучше, если б на Лигейю с самого начала отправился ты. В самую первую смену.

Маккиш помолчал, припоминая последние передачи с Лигейи. С Данилевским, дежурившим там, происходило что-то неладное, и это все знали. Причиной, видимо, было переутомление, которое каким-то чудом укрылось от врача. Конечно, дежурного надо было немедленно менять.

— В общем, — закончил Степанов, — десять минут назад Данилевский сам попросил его заменить. Ты понимаешь, что, когда об этом просят, случай из ряда вон. Впрочем, я сделал бы это и без просьбы. Причины тебе известны. И, поскольку ты ничего не имеешь против...

— Я? Не имею, — сказал Маккиш. — Потому что неизвестно, что лучше: недельный отдых на корабле или рабочая смена на Лигейе.

— Недельный отдых прибавишь к следующему разу.

— И проведу в каюте размером два метра на три не одну неделю, а целых две, — ответил Маккиш с улыбкой. — Вот тогда я и начну писать мемуары. Начну прямо с нашей с тобой первой экспедиции, когда ты тоже еще был разведчиком.

Он встал, пожал протянутую командиром руку и направился к выходу. Степанов за его спиной молчал. Молчал так, будто он что-то недоговорил, но сейчас скажет. Маккиш обернулся.

— Володя, — сказал Степанов и встал из-за стола. — Это, собственно, может быть и не так, но что-то говорит мне: дело здесь не в самочувствии Данилевского. Что-то мне говорит: там, на Лигейе...

— Особые условия? Что-то такое, действующее на психику? Так? Степанов кивнул.

— Такого нигде не было. Но ты же знаешь: ко всему надо быть готовым. — Он еще раз сжал своей огромной ладонью руку Маккиша, и тот, как обычно, поморщился. — Удачи тебе! Никаких особенных инструкций не будет. Если там что-то не так, не считай для себя зазорным немедленно вернуться.

Маккиш улыбнулся. Он знал: если на Лигейе в самом деле что-то происходит, он не вернется, пока не выяснит, в чем там дело. Впрочем, Степанов это тоже знал.

Полчаса спустя, выведя космонавта на курс и набрав скорость, Маккиш передал все исходные данные предстоящего маршрута электронному мозгу и откинулся на спинку кресла.

За девять часов катеру предстояло пересечь орбиты Альтрозы и Эланы и выйти затем к Лигейе, которая была ближайшей планетой к звезде ТП-66.

Очередной рейс звездолета «Астролябия» был самым обычным, разведывательным, и планетная система звезды ТП-66 — лишь одной из систем, которые предстояло обследовать во время экспедиции. «Астролябия» легла на орбиту за самой дальней, третьей, планетой. По предварительным данным, ничего примечательного на планетах не было. На них, как обычно, высадились разведчики, развернули стандартные форпосты. На первой планете — Альтрозе — он, Маккиш, обнаружил большие запасы цезия. На второй — Лигейе — форпост был оборудован чуть позже. И сразу же Данилевский сделал открытие: есть не только флора — деревья и кусты с голубыми листьями, но и фауна — крупные, хищного вида птицы, небольшие зверьки, похоже на земных сусликов, насекомые.

Галлюцинации у Данилевского начались на второй день дежурства. Он сообщил о них на «Астролябию» не сразу, решив, что это просто от переутомления. Потом понял: что-то другое. Что именно? Вот это Маккишу и предстояло выяснить...

Час спустя, пролетая мимо третьей планеты — Эланы, Маккиш связался с Кулагиним, и на экране возникло бородастое лицо. На Элане было скучно: обычная методическая работа. Автоматы форпоста вгрызались в недра и ничего интересного не находили. Кулагин считал дни, оставшиеся до окончания стандартного срока, и хотел бы либо на Альтрозу, либо на Лигейю.

С Альтрозой, на которой дежурил Головков, Маккиш связываться не стал: когда позже космокатер пересекал ее орбиту, планета находилась по другую сторону звезды. А еще через несколько часов он подлетел наконец к Лигейе. Планета была зеленовато-голубой. Она медленно поворачивалась, пронося перед глазами большой материк, похожий по форме на огромную грушу и окруженный созвездием пятен-островов. Материк на планете был один, на нем и стоял форпост Данилевского. Все остальное на Лигейе занимал океан.

Космокатер опустился в двухстах метрах от форпоста. Данилевский встретил Маккиша на месте посадки. Они обменялись рукопожатиями, вместе вошли в шлюзовую форпоста и сняли скафандры.

Прежде всего Маккиш осмотрел приборы. Воздух в помещениях был земной, без каких-либо отклонений от нормы.

— Нет, — сказал Данилевский, перехватив его взгляд, — здесь все нормально. Это было первое, о чем я подумал, и сразу же все тщательно проверил. Приборы-анализаторы работают нормально, в воздухе никаких посторонних примесей.

— Это я так, — сказал Маккиш. — Ясно, что все проверено.

Данилевский потер руки, хрустнул костяшками пальцев.

— Это нервы, просто нервы! Накопилась усталость, и нервы сдали... Или... болезнь?

— Вы верите в болезнь?

Данилевский судорожно глотнул:

— Я... я не знаю. Бывал в стольких передрыгах и всегда разбирался сам. А тут...

— Вам надо отдохнуть, — мягко сказал Маккиш. — Это, конечно, нервы.

— Давайте чаю выпьем, — как-то очень быстро предложил Данилевский.

— Чаю? Да, конечно, спасибо!.. Один только вопрос. Какого рода галлюцинации вас преследовали, я знаю. Но...

Данилевский опустил глаза:

— Все, что со мной происходило, я заносил в магнитный дневник. Не скрывал ничего.

В кухонном отсеке форпоста они торопливо пили чай — это была одна из незыблемых традиций разведчиков: на прощание обязательно угощать сменщика чаем, и Маккиш понял, что Данилевскому хочется покинуть Лигею как можно скорее. Он даже поглядывал на часы, как будто ждал и боялся очередного приступа своих странных галлюцинаций.

— Что же, Юрий Иванович, — сказал Маккиш, — считайте, что я вас уже сменил. Давайте согласно традиции я провожу вас.

Маккиш сам ввел программу маршрута в электронный мозг космодатера, и скоро маленькая точка корабля растаяла в небе. Вернувшись в форпост, он прошел шлюз, снял скафандр и отправился под прозрачный купол, чтобы ознакомиться с дневником Данилевского.

О том, что успел сделать Данилевский, Маккиш уже знал. За семь дней автоматы форпоста собрали исчерпывающие данные об атмосфере. На Лигею оказался приятный климат со средней температурой двадцать градусов. Правда, иной раз налетали шквальные ветры. Они отличались ужасающей силой.

Автоматы-геологи пробурили здесь тысячи скважин, нашли достаточные запасы полезных ископаемых. Несколько автоматов вели биологические наблюдения в океане.

Все правильно, Данилевский действовал по стандартному, много раз оправдавшему себя плану. На долю Маккиша, следовательно, оставался сбор биологических образцов, геохимические, микробиологические исследования и ряд других работ.

С командного пункта он отдал приказ автоматам-геохимикам, надел скафандр и вышел из форпоста.

Похожие на черепах автоматы едва успели выехать из ячеек наружного стеллажа, как в небе появились птицы. Три из них тут же спикировали на одну из «черепах». Наверное, она показалась им легкой добычей. В последний момент «черепаха» сделала резкий рывок, и птицы промахнулись. Отчаянно вереща, они взмыли вверх и пошли в новую атаку. Птицы были уродливы. Их перепончатые крылья усеивали наросты, похожие на бородавки, а зубы торчали из разинутых клювов как гвозди.

Они вновь промахнулись. Когда зубы уже готовы были вцепиться в металл, «черепаха» молниеносно уклонилась влево. Маккиш усмехнулся: автомат-геохимик играл с местной фауной в кошки-мышки. Потом «черепаха» набрала скорость и мигом исчезла в лесу, видневшемся на горизонте. Остальные «черепахи» благополучно скрылись в лесу еще раньше.

Птицы с пронзительным клекотом снова взмыли вверх и сделали круг над форпостом. Теперь у них была другая цель: человек в скафандре. Маккиш включил защитное поле. И тут же

одна из птиц камнем упала на него. Он увидел ее глаза прямо перед собой. Они были неподвижны, будто заморожены.

Получив мощный удар защитного поля, птица стремглаз взмыла вверх. Остальные повторить атаку не решились...

Вот они, будни разведчика! Маккиш медленно обошел во круг форпоста, осмотрел его и вернулся в шлюз. Вошел в жилой отсек, сел отдохнуть.

И в этот момент все началось.

Стены форпоста растворились, их не стало. От форпоста вообще ничего не осталось. Маккиш видел только ярко-желтый песок, рощицу деревьев с голубыми листьями, светлое небо. Он был без скафандра, но, как ни странно, мог дышать.

Он даже не успел оглядеться, как услышал знакомый клекот. Поднял голову, увидел отвратительную серо-зеленую птицу.

Птица камнем свалилась ему на голову, но он успел увернуться. Зубы-гвозди лязгнули всего в нескольких сантиметрах. Птица с визгом взмыла вверх, и Маккиш машинально отметил: размах крыльев не меньше трех метров.

Впереди была рощица — единственное спасение от хищных птиц. И он побежал к ней изо всех сил. Ноги глубоко увязали в песке.

Птиц теперь было уже три. Они кружились над ним, опускаясь все ниже. Наконец одна из них спикировала на него и промахнулась. Зубы второй птицы вырвали из комбинезона клочок ткани. Он потрогал плечо: до тела зубы не достали.

Маккиш побежал дальше. Медленно, очень медленно он все-таки приближался к роще. И тут, резко спикировав, птица вцепилась в него мертвой хваткой. На Маккиша холодно смотрели пустые неподвижные глаза. Свободной рукой он изо всех сил ударил ее по голове. Разжав клюв, она медленно поднялась. Но в этот момент другая птица толкнула его в спину, и он упал на колени. Птица рвала комбинезон. Затем Маккиш ощутил резкую боль в позвоночнике. Тогда он упал на спину, стараясь придавить птицу. Что-то под ним хрустнуло, и он почувствовал, что клюв, рвавший тело, отпустил его.

Маккиш поднялся и снова побежал к роще. Когда до ближайших деревьев оставалось метров двадцать, на него накинулись сразу три птицы. Они тянули его в разные стороны, словно хотели разорвать на части.

Он пробежал эти последние метры вместе с птицами. Крыло одной из них, мешая видеть, все время било по лицу. Он вцепился в это крыло обеими руками и сильно давил. Под пальцами что-то хрустнуло. Крыло сразу обмякло, тряпкой опало с лица, и Маккиш увидел, что роща голубых деревьев уже прямо перед ним.

И вдруг она исчезла. Растворилась в воздухе подобно миражу. Впереди, насколько хватало взгляда, простирался ярко-желтый песок.

Напрягая силы, Маккиш пытался освободиться от остервеневших птиц. Сначала оторвал от себя одну, затем другую.

А потом он упал на песок, ткнулся в него лицом. Песок был теплым, приятным, и к Маккишу пришла вдруг полная расслабленность. Он даже закрыл глаза, на мгновение провалился в сладкую пустоту.

А потом снова услышал над собой хлопанье крыльев. Он с трудом перевернулся на спину. В небе над ним кружили птицы, их было много, не сосчитать сколько. Он с усилием встал на колени, и вдруг почувствовал боль во всем теле. Но тотчас к нему пришла злость, которой раньше почему-то не было. И появилась непонятная, неизвестно на чем основанная уверенность, что он победит.

Несмотря на резкую боль в колене, он сумел все-таки увернуться от первой из спикировавших на него птиц. Вторая целилась ему в голову, и он поднял руки, чтобы схватить ее за жилистую шею. Руки ощутили противное тепло сухой кожи. Он сжал пальцы, чувствуя, как лихорадочно бьется артерия. Это биение вдруг прекратилось, и птица, обмякнув, свалилась к его ногам. Еще два или три раза в агонии щелкнул клюв, монстр дернул крыльями и затих.

Сразу четыре птицы упали на него. Но, не обращая внимания на то, что птичьи зубы рвут его тело, Маккиш вцепился в тонкую шею, стараясь нащупать пульсирующую жилу. Вот и еще одна птица, затрепетав, упала на песок, затем еще одна. Четвертая улетела с визгливым клеткотом.

Маккиш посмотрел на небо. Над ним кружилась целая стая птиц, но они уже не пикировали, они уже знали: человек нашел оружие против них, и, значит, он стал сильнее.

Скольких мучений и крови стоила ему эта битва, а победить было так просто. У птиц нашлось уязвимое место — артерия на шее; достаточно надавить на нее, и монстр погибает. Маккиш засмеялся: ахиллеса пята на шее!

Он посмотрел в небо. Птицы улетали...

И тут все исчезло. Маккиш снова оказался внутри форпоста, за столом. Машинально он провел ладонью по комбинезону: ткань была цела. И ран тоже не оказалось. Мало того, во всем теле чувствовалась приятная бодрость. Не было никакой борьбы с птицами. Все это ему привиделось. Обычные галлюцинации. Вероятно, точно такие же, что и у Данилевского. Это надо проверить — такие ли? Он снова принялся за дневник, но в этот момент прозвучал сигнал связи, и на экране появилось лицо командира.

— Данилевский прибыл, прошел обследование, — сообщил Степанов после обычного приветствия.

— Ну и как? — сухо поинтересовался Маккиш.

— Врач утверждает: состояние здоровья нормальное. О переутомлении речи нет. Психика в полном порядке. Отмечен лишь некоторый эмоциональный спад.

— Значит, здоровью галлюцинации не вредят? — поинтересовался Маккиш.

— Что, уже были галлюцинации? — в свою очередь поинтересовался командир.

— Были, — не очень охотно признался Маккиш.

— Какие?

— По-видимому, те же самые. Бой с птицами. Сейчас сравню с тем, что записано у Данилевского.

Экран погас, и Маккиш включил дневник.

Сначала шли сведения о работе автоматов-тектоников, о цикличности атмосферных процессов, сделанные с помощью авто-

матов-метеорологов. Затем зазвучал тенор Данилевского. Он говорил медленно, явно подбирая слова:

«Должен занести в дневник сообщение о странном случае... Как к нему отнестись, пока не знаю. Вероятнее всего это вызвано переутомлением. Иных причин найти не могу...»

«Данилевскому было хуже, — подумал Маккиш. — Галлюцинации для него начались неожиданно. А я ведь знал, что они будут...»

Голос Данилевского окреп, обрел уверенность. Разведчик, как полагается разведчику, взял себя в руки и вновь стал хладнокровным исследователем. Маккиш слушал.

Все было как у него. Точно так же Данилевский вдруг оказался в песчаной пустыне, без скафандра, и на него напали птицы. Точно так же он побежал к роще, отбиваясь на ходу от птиц, и точно так же роща исчезла.

Стоп! Дальше было не совсем так.

Маккиш прокрутил запись назад, чтобы прослушать еще раз.

«Роща, до которой оставалось всего несколько шагов, исчезла, — говорил Данилевский. — На меня свалились сразу несколько птиц, и я упал на песок. Птицы терзали мое тело, я чувствовал боль, но встать не мог, сил уже не было. Мной овладело странное безразличие ко всему, что происходит, я закрыл глаза, и у меня мелькнула мысль, что все кончено. После этого я увидел, что снова сижу за столом под куполом форпоста, и, следовательно, ничего этого не было...»

— Так! — сказал Маккиш вслух. — Интересно! Здесь есть, оказывается, небольшая разница: галлюцинации по-разному закончились. Но что из этого?

Он задумался.

Ничего это пока не давало. Если предположить, что видения вызваны каким-то веществом или излучением, могли ли у двух разных людей быть одинаковые видения? Впрочем, возможно и другое: излучение будит только самые верхние слои памяти, последнюю память. Хищные птицы Лигеи у обоих и должны были оказаться последним впечатлением. Тогда сходство видений необъяснимо. А различные концовки — это, возможно, от различия темпераментов, различия характеров.

Маккиш снова включил запись: интересно, какая периодичность галлюцинаций? После первого видения Данилевский занимался будничными делами. Выпустил «черепак», которые должны были достичь берега океана и вести исследования в его водах. Обработал первые сейсмические материалы. Отдыхал. Обедал. Отправил на работу «черепак-геологов».

Вторая галлюцинация началась через восемь часов двадцать четыре минуты. Она была точно такой же, как первая, Данилевский описал ее почти слово в слово. И конец видения оказался таким же: разведчик почувствовал, что сопротивляться больше не может, и тогда все прекратилось.

Всего Данилевский пережил двадцать одинаковых галлюцинаций. Одинаковых ли? Если слушать записи по очереди, одну за другой, похоже, что так, а если...

Маккиш вернулся к самой первой, а потом прослушал запись о последней галлюцинации. Разница была в их продолжительности. В последний раз Данилевский потерпел поражение

ние в сражении с птицами значительно быстрее. Что это значило? Если галлюцинации как-то связаны с душевным состоянием, это могло значить, что у него действительно начали сдавать нервы. Либо он понял: чем быстрее сдастся, тем скорее видение окончится. Любопытно...

Да, все это было любопытно, но по-прежнему ровным счетом ничего не объясняло. Хотя уже позволяло наметить некоторую программу дальнейших действий. Сначала надо дождаться еще одной галлюцинации, — а в том, что она будет, Маккиш не сомневался, — сравнить первую со второй. Потом надо перебазировать форпост на другое место. Если причина явления в каком-то веществе, которое находится поблизости, следующие будут слабее или исчезнут совсем. И тогда следует начать поиски этого вещества.

Восемь часов двадцать четыре минуты — это... И тут Маккиш сообразил, что это ровно две трети суток Лигейи. Если бы излучение появлялось раз в сутки, тогда еще можно было бы что-то предположить. Например, в определенный час лучи красного солнца ТП-66 попадают на запасы таинственного вещества под определенным углом, и тогда оно и начинает свою таинственную работу...

Он вздохнул. Очень примитивной была такая гипотеза...

И вдруг неожиданная мысль пришла в голову. Он вскочил бросился в шлюзовую, торопливо надел скафандр.

Снаружи все было по-прежнему: рощица с голубыми деревьями, желтый песок и эти отвратительные птицы, перекликающиеся высоко в небе.

Маккиш отошел от форпоста в сторону. Он смотрел в небо. Так и есть: птицы заметили его и приготовились к атаке. Но он не стал включать защитное поле.

Это были, наверное, другие птицы, не те, что уже знали, как больно может ударить одежда, в которую одет человек, и поэтому нападали смело. Но первую же из птиц Маккиш на лету схватил за жилистую шею и нажал на пульсирующую голубую жилу. И все было точно так же, как в видении: обмякнув, птица упала к его ногам, а другие покинули место сражения.

Все было в точности, как при галлюцинации. Только наяву.

Красное солнце быстро поднималось. Когда оно оказалось в зените, Маккиш увидел, как посреди равнины с голубой травой вдруг прямо на глазах пробилась из земли и потянулись к солнцу побеги деревьев. За каких-нибудь десять минут они окутаны дымкой голубых листьев, и там, где не было ничего, возникла молодая рощица.

Маккиш постарался представить, как здесь бывает во время ураганных ветров. Деревья, конечно, вырываются с корнем, ураган уносит их, как соломинки. Все сметается с поверхности планеты, и только мрачные горные хребты, кое-где поднимающиеся над материком, стоят незыблемо. Наверное, где-то там, в каких-нибудь горных пещерах, и находят убежище эти отвратительные птицы.

Но потом ураганы стихают, палящее солнце быстро высушивает озера, оставшиеся от громадных океанских волн, захлестывающих материк. Сначала материк, покрытый желтым песком, пустынен. Но песок скоро покрывается голубой травой,

а потом вот так, на глазах, из-под земли пробиваются побеги, полные несокрушимой жизненной силы, и то там, то тут одна за другой возникают рощи голубых деревьев. Проходит, наверное, неделя, другая, и планета преобразается.

Восемь часов, оставшиеся до следующей галлюцинации, тянулись медленно. Красное солнце наконец зашло, и наступила непродолжительная ночь. Маккиш дал себе короткий отдых. Потом он заполнил дневник и просмотрел информацию, собранную одной из «черепак-геохимиков». Затем Маккиш снова вернулся к дневнику Данилевского, чтобы еще раз проверить, не упущены ли какие-нибудь важные подробности. Пожалуй, желание снова прослушать дневник говорило о том, что он нервничает, но Маккиш пошел навстречу своему желанию. И скоро сделал открытие: время между последней галлюцинацией Данилевского и его собственным первым сражением с птицами составило не восемь часов двадцать четыре минуты, а ровно вдвое больше: шестнадцать сорок восемь. Один приступ наваждений был словно бы пропущен...

Маккиш ждал. Если пропуск был случайным, очередной сеанс наваждения должен был начаться вот-вот. Если интервал увеличился — тогда... Тогда остается одно объяснение: разные люди по-разному реагируют на действие этого... он поискал подходящее слово... на действие того, что вызывает наваждения.

Но вот наконец часы показали, что после первой галлюцинации прошло ровно восемь часов двадцать четыре минуты. Маккиш приготовился: сейчас растворятся стены форпоста, и он окажется в пустыне.

Время шло, а он все так же сидел за большим столом под прозрачным куполом.

Маккиш вздохнул и позволил себе расслабиться. Значит, у него действительно будут другие интервалы. Он встал, направился к лабораторному столу, но, не дойдя до него, бросил рассеянный взгляд в сторону. Все было по-прежнему за прозрачной стеной: островки ярко-желтого песка, голубая трава, рощицы деревьев с голубыми листьями, красное солнце в блеклом небе. Однако было и еще что-то незнакомое — какое-то решетчатое сооружение, плившее в вышине.

Это сооружение двигалось рывками, словно кто-то дергал его за невидимую нить. Наконец оно неуклюже ткнулось в островок песка и развалилось на части. Из обломков появился человек без скафандра. Шатаясь, он сделал несколько шагов и упал. Потом с трудом поднялся, прошел еще несколько метров.

Обломки за его спиной вспыхнули зеленым огнем, и человек снова упал. Летательный аппарат, потерпевший катастрофу, разгорался все сильнее, а пилот продолжал неподвижно лежать, уткнувшись лицом в песок.

Надевать скафандр Маккиш не стал: почему-то решил, что может обойтись без него. Он пробежал шлюз и оказался за стенами форпоста. Воздух, ворвавшийся в легкие, был сухим и горячим, и уже через несколько мгновений перед глазами Маккиша поплыли красные круги. Было очень тихо. Потом слышались гулкие и частые удары. Некоторое время Маккиш пытался определить их природу и наконец понял: в висках сту-

чала кровь. Он стал дышать глубже и ровнее, рассчитывая при-выкнуть.

Сквозь красные круги перед глазами пробивались зеленые искры огня, к которому надо было бежать. Огонь разгорался все сильнее, а пилот лежал совсем рядом с обломками. Маккиш побежал быстрее. Круги перед глазами уже исчезали, за-тихали и удары в висках. Он вдруг подумал о птицах и уди-вился, почему их нет. Впрочем, он скоро забыл о них. Его го-лова была занята одной мыслью: скорее добежать, помочь.

Огонь впереди все разгорался, а человек, лежавший ничком, по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Теперь, правда, до него оставалось совсем немного.

Жара от зеленого костра становилась нестерпимой. Обжигаю-щий воздух стоял плотной стеной. Маккиш зажмурился и шаг-нул сквозь эту обжигающую стену.

Он закашлялся, дыхание перехватило. Нагнувшись, осторожно поднял пилота, протаскил его несколько метров по песку. Пере-вернул безжизненное тело на спину, но не успел рассмотреть лицо, потому что тут же каким-то чутьем понял, что вот сей-час, через мгновение, раздастся взрыв. Он упал на песок, при-крывая рукой лицо пилота, и в тот же миг раздался оглуши-тельный грохот. Над головой пронесся обжигающий смерч.

Выждав немного, Маккиш приподнял голову, огляделся. Огня больше не было, взрыв уничтожил все, что могло дать ему пищу. Маккиш встал на колени и попробовал расстегнуть на человеке комбинезон. Но нигде не нашел никаких застежек. Однако биение сердца Маккиш ощутил и сквозь плотную се-ребристо-голубую ткань. Тогда он поднял тело незнакомца на руки и двинулся к форпосту.

Странное дело: стук сердца этого неизвестно откуда взяв-шегося пилота словно бы отдавался в нем самом. Сначала эти удары были сильными и частыми. Потом Маккиш почувствовал, как они стали замедляться. Несколько минут спустя кожа чело-века побледнела и стала серой. Тогда Маккиш побежал. Бежать было тяжело, неудобно. Купол форпоста сверкал в лучах крас-ного солнца, как драгоценный камень. Но Маккишу было не до красот. Он думал о том, что бежать по этому вязкому песку не меньше пяти минут. Выдержит ли сердце умирающего чело-века? Выдержит ли его собственное сердце?

Они оба выдержали. Не дав себе отдышаться, Маккиш уло-жил человека на кровать и бросился к аптечке. И остановил-ся: поможет ли неизвестному стимулирующая инъекция? Не убьет ли она его?

И тут он увидел, что у человека вдруг дрогнули губы. Лицо его начало розоветь. Затаив дыхание и боясь пошевелиться, Маккиш следил за ним. Вот блеснули черные зрачки. Глаза незнакомца остановились на Маккише, и лицо его тронула сла-бая улыбка...

И в тот же миг все исчезло. Маккиш увидел, что он стоит неподалеку от лабораторного стола. За прозрачными стенами форпоста все было как обычно: деревья, трава, песок, птицы. И ни обломков летательного аппарата, ни следов зеленого костра...

Он нервно потер ладонями лицо. Это была галлюцинация. Совсем другая, какие у Данилевского не случались...

— Ну, так что это все значит?

Маккиш резко обернулся: лицо командира на экране было явно встревоженным.

— Что именно? — отозвался Маккиш.

— Ты стоишь совершенно неподвижно, смотришь в одну точку, ничего не слышишь. Галлюцинация?

Маккиш кивнул.

— То же самое?

— Нет, другая.

Очень быстро, так, словно решение было принято им уже давно, Степанов сказал:

— Я буду у тебя через девять часов. Но... может быть, ты хочешь вернуться?

Маккиш покачал головой:

— Нет! Я тебя жду.

Экран погас. Маккиш записал обо всем случившемся в магнитный дневник. Потом, повинаясь странному желанию, надел скафандр и вышел из форпоста.

Ветер, заметно усилившийся, гнул ветки с голубыми листьями. Красное солнце поднималось в зенит, и тени деревьев заметно укорачивались. Тени были остrokонечными, они, как стрелки компаса, указывали как раз на то место, где во время галлюцинации он видел решетчатый летательный аппарат. Маккиш знал, что там, куда указывает тень-стрелка, он не найдет ничего, и все-таки продолжал идти вперед. Он старался что-то понять и никак не мог. Мысль билась о невидимую преграду, как бьется о стекло случайно залетевшая в комнату бабочка. А где-то совсем рядом, может быть, всего в нескольких сантиметрах, открыта форточка.

Он дошел наконец до этого места и остановился. Все тут было точно такое же, как во время галлюцинации. Вот клочок голубой травы, запомнившийся потому, что он имел идеальную треугольную форму, вот упавшая с дерева ветка, вертикально воткнувшаяся в песок. Не было только загадочного аппарата, объятых пламенем, и лежащего навзничь человека.

Почему вторая галлюцинация так отличалась от первой? Почему у Данилевского они все были одинаковы? Данилевский проиграл сражения птицам.

А он с первого раза победил.

Маккиш резко остановился от неожиданной мысли.

Он победил, и галлюцинация изменилась. Данилевский терпел поражения, и это обрекло его без конца сражаться с птицами. Галлюцинации повторялись. Словно кто-то ждал, когда же он все-таки найдет оружие против птиц. Решение было таким простым, требовалось только немного воли, стойкости, мужества.

Значит, что же: галлюцинации искусственного происхождения?

Но кому это надо и зачем?

Зачем? Да просто затем, чтобы узнать цену существу, появившемуся вдруг на Лигейе. Для того чтобы определить, чего от него можно ждать, достоин ли он внимания. Вероятно, первая галлюцинация — бой с птицами — была испытанием на

смелость и находчивость, вторая — проверка на доброту, сострадание, готовность помочь. И эти испытания он, надо полагать, выдержал. Какое же будет третье?

«Все это фантазии, — одернул он себя. — Лигейя пуста, автоматы не могли не заметить хоть каких-нибудь признаков разумной жизни. Две другие планеты системы тоже необитаемы, и значит, некому проверять земных разведчиков галлюцинациями...»

Когда очередной восьмичасовой отрезок времени стал подходить к концу, Маккиш понял, что нервничает. До этого он работал: встретил вернувшихся «черепаш» и выпустил на работу других, занимался микробиологическими исследованиями, внес собранную автоматами информацию в магнитный дневник. Но за полчаса до следующего сеанса наваждений Маккиш поймал себя на том, что третий раз диктует в дневник одну и ту же фразу. Он выключил запись, постарался успокоиться.

Лицо Степанова появилось на экране неожиданно. Оно было хмурым, озабоченным и в то же время каким-то оживленным, радостным. Маккиш понял: Степанов просто радуется, что летит на форпост, где его ждет загадка, с какой еще никто из разведчиков не встречался.

— Идеи есть? — спросил Степанов.

— Есть, — сказал Маккиш. — Планета населена, и галлюцинации — это не что иное, как попытка проверить нас, узнать, стоит ли вступать с нами в контакт. Есть, правда, одна загвоздка. Эти инопланетяне должны быть совершенно невидимы. Может, цивилизация невидимок?

Хмурое лицо Степанова разгладилось.

— Если ты можешь выдвигать такие гипотезы, — сказал он, — дело обстоит не так уж плохо.

— Да я не шучу, — сказал Маккиш.

Степанов улыбнулся широко и открыто:

— Ладно, еще немного, и мы с тобой во всем разберемся.

Экран погас. Маккишу вдруг стало легко и просто. Пришла уверенность, что все его предположения истинны. Откуда она взялась, эта уверенность? Может быть, кто-то следил за его рассуждениями, за его мыслями и в нужный момент помог выстроить логический ряд суждений?

Трижды в год на Лигейю обрушиваются ураганы, и потому никакое сооружение на поверхности невозможно. Но затихают ураганы, и вновь вырастают деревья и трава, снова появляются птицы, из каких-то потайных нор выползают животные. Так неужели разумное существо не приспособилось бы к местным условиям?..

Маккиш ходил взад-вперед под прозрачным куполом форпоста. Теперь ему казалось, что время тянется медленно. Хотелось поскорее окунуться в очередную галлюцинацию. Теперь он знал, что это контакт, и ждал его.
